

УДК / UDC 347

DOI: 10.34076/22196838_2026_2_71

СТАНДАРТЫ РАЗУМНОСТИ И ДОБРОСОВЕСТНОСТИ КАК СОСТАВЛЯЮЩИЕ СУБЪЕКТИВНОЙ ДОБРОСОВЕСТНОСТИ В РОССИЙСКОМ ПРАВЕ

Писков Иван Александрович

Старший юрист компании «ZettaLex», аспирант кафедры гражданского права Уральского государственного юридического университета имени В. Ф. Яковлева (Екатеринбург),
ORCID: 0009-0006-2061-5522, e-mail: i.a.piskov@gmail.com.

В статье рассматриваются теоретические и практические аспекты признаков, составляющих категорию субъективной добросовестности в российском гражданском праве. Основное внимание уделяется исследованию стандартов разумности и добросовестности как составляющих данного правового явления. Цель исследования – анализ содержания и соотношения понятий разумности и добросовестности в контексте их применения к оценке поведения участников гражданского оборота в рамках формулы «знал или должен был знать». В работе рассматривается проблематика разграничения объективной и субъективной добросовестности, а также их взаимосвязь с категориями вины и осмотрительности. Обосновано, что разумное поведение характеризуется осмотрительностью и заботливостью о собственных делах на основе применения объективно доступной информации. Исходя из этого определено, что субъективная добросовестность может быть представлена через два объективных стандарта поведения: добросовестность и разумность.

Ключевые слова: субъективная добросовестность, разумность, добросовестность, осмотрительное поведение, вина

Для цитирования: Писков И. А. Стандарты разумности и добросовестности как составляющие субъективной добросовестности в российском праве // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2026. № 2. С. 71–78. DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2026_2_71.

STANDARDS OF REASONABLENESS AND GOOD FAITH AS COMPONENTS OF SUBJECTIVE GOOD FAITH IN RUSSIAN LAW

Piskov Ivan

Senior lawyer, ZettaLex, post-graduate, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev (Yekaterinburg), ORCID: 0009-0006-2061-5522, e-mail: i.a.piskov@gmail.com.

The article examines the theoretical and practical aspects of the features that make up the category of subjective good faith in Russian civil law. The main attention is paid to the study of standards of reasonableness and good faith as components of this legal phenomenon. The purpose of the study is to analyze the content and correlation of the concepts of reasonableness and good faith in the context of their application to the assessment of the behavior of participants in civil turnover within the framework of the formula «knew or should have known». The paper examines the problems of distinguishing objective and subjective conscientiousness, as well as their relationship with the categories of guilt and prudence. The author proves that reasonable behavior is characterized by prudence and concern for one's own affairs based on the use of objectively accessible information. On this basis, it is determined that subjective integrity can be represented through two objective standards of behavior: integrity and reasonableness.

Key words: subjective good faith, reasonableness, good faith, prudent behavior, guilt

For citation: Piskov I. (2026) Standards of reasonableness and good faith as components of subjective good faith in Russian law. In Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnal», no. 2, pp. 71–78, DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2026_2_71.

Введение

Российская юридическая наука давно и достаточно обстоятельно исследует вопросы, связанные с оценочными категориями гражданского права, посредством которых восполняются недостатки и пробелы правового регулирования. Между тем проблематика данных вопросов не исчерпана, в силу чего для ученых-юристов сохраняется задача последовательного и убедительного обоснования идей, на основе которых правовое регулирование и практическое применение оценочных категорий могут быть выстроены наилучшим образом.

Один из вопросов состоит в определении содержания категории добросовестности, которая практически необъятна сама по себе и, кроме того, традиционно склоняется к разделению на два элемента: объективной и субъективной добросовестности. Последняя, в свою очередь, вызывает дискуссию даже по вопросу о необходимости ее выделения в принципе, поскольку характеристики, вкладываемые в нее, видятся спорными.

В частности, М. А. Церковников замечает, что, исследуя субъективную добросовестность как извинительное незнание о юридически значимых фактах, «мы рассматриваем не только осведомленность этого приобретателя, но и то, как действовал бы на его месте любой осмотрительный участник оборота. И тогда здесь мы переходим уже к изучению объективной добросовестности»¹.

К. В. Нам, в свою очередь, проводит в жизнь концепцию, согласно которой «понимание необходимости отграничения добросовестности как принципа права от „субъективной“ добросовестности очевидно и не должно являться проблемой», поскольку «первое отнесено к принципам гражданского права и применимо ко всем гражданско-правовым отношениям, а второе является частным случаем юридической квалификации определенных фактических обстоятельств»². Это показывает, что, несмотря на исследование в российской науке данных категорий как частей целого, существует ряд противоречий в понимании их соотношения и числа общих характеристик.

В качестве идеи, которая помогает устранить некоторые теоретические противоречия в данном вопросе, может выступить выделение из субъективной добросовестности двух объективных стандартов поведения: добросовестности и разумности. Применение нормы права, в которой содержится критерий осведомленности об обстоятельствах с формулой «знал либо должен был знать», в данной модели предполагает проверку его поведения на соответствие стандартам добросовестного поведения (знал) либо разумного поведения (должен был знать).

1. Характеристика осмотрительного поведения как воплощения стандарта поведения разумного

Необходимость исследования разумности в обозначенном вопросе напрямую исходит из характеристики данной оценочной категории, в которую вкладывается, помимо прочего, осмотрительное поведение. Так, М. Ф. Лукьяненко, исследуя содержание разумности как правовой категории, указывает, что «разумность действий – это характеристика волевого аспекта поведения лица, которое должно принимать свои решения, оценив риски и выгоды различных вариантов решения», а также что «разумность действий предусматривает, чтобы лицо действовало с осмотрительностью и прилежанием, требуемыми в данных обстоятельствах»³.

А. В. Коновалов, в свою очередь, определяет, что разумность в праве заключается в «рассудительности и рациональности решений и действий с использованием соб-

¹ Церковников М. А. О добросовестности в институтах вещного права // Вестник гражданского права. 2017. № 2. С. 25.

² Нам К. В. Принцип добросовестности: развитие, система, проблемы теории и практики. 2-е изд., перераб. и доп. М.: М-Логос, 2023. С. 247.

³ Лукьяненко М. Ф. Оценочные понятия гражданского права: разумность, добросовестность, существенность. М.: Статут, 2010. С. 251.

ственного опыта и общедоступного общественного опыта, который в данном обществе принято рассматривать в качестве обязательного источника для сопоставлений и анализа»¹. Как можно усмотреть, оба определения исходят из сопоставления известной лицу обстановки с возможными вариантами поведения и выбора наиболее рационального из доступных вариантов.

Поведение участника правоотношения, таким образом, должно быть рациональным (от лат. *ratio* – разум), направленным на достижение положительного эффекта от совершаемых действий либо осознанного бездействия. Наиболее удачно исследуемая категория изложена в формулировке В. С. Ема, который указывал, что «разумность – это осмысленность (рациональность), логичность и целесообразность поведения субъекта... разумно такое поведение лица, которое является результатом осмысления им социально-экономической обстановки, в которой он находится, логически вытекает из нее и целесообразно для него»².

Следует также отметить, что, по замечанию И. В. Розмаинского и К. А. Холодилина, «рациональность поведения предполагает то, что это поведение является оптимизирующим. Субъект, сопоставляя все возможные варианты выбора, находит оптимальный вариант, позволяющий наилучшим образом достичь поставленной цели»³.

Приведенные примеры научного понимания разумности дают представление о разумном поведении участника гражданского оборота как о поведении, которое характеризуется осмотрительностью и заботливостью о собственных делах на основе применения объективно доступной информации. Именно описанное содержание позволяет рассматривать разумное лицо как действующее логично и целесообразно, поскольку исключительно уяснение обстановки, окружающей его, позволяет выстраивать собственное поведение рациональным образом, в отсутствие информации поведение останется в лучшем случае излишне рискованным как для самого лица, так и для окружающих.

Определяя в п. 3 ст. 10 Гражданского кодекса РФ, что лицо предполагается в достаточной степени разумным, законодатель одновременно признает его способным установить факт нарушения собственного права либо права другого лица своим поведением. Более того, представляется допустимым считать, что презумпция разумности поведения в данном случае оперирует настолько низким стандартом, что возможность его достигнуть в исследуемых обстоятельствах не может быть поставлена под сомнение. В противном случае уровень осмотрительности и заботливости о собственных делах был бы абсурдно низким для стандартного участника оборота. Иначе говоря, извинительное незнание не может быть допустимо в случае, когда информация объективно доступна через приложение минимальных усилий, в чем и воплощается разумность поведения.

Из этого также следует, что презумпция разумного поведения в ряде установленных законом случаев, оперирующих критерием «должен был знать», находится на грани трансформации в фикцию, поскольку, установив, что лицо должно было знать о факте, суд уже не исследует опровержения этого обстоятельства, что было бы допустимо для презумпции. Между тем видится возможным утверждать, что для того, чтобы опровержение возможности соответствия стандарту осмотрительности было невозможным, обстоятельства должны указывать на достаточную простоту доступа к информации.

2. Соотношение формулы «знал или должен был знать» со стандартами добросовестного и разумного поведения

Указанный в законе признак, определяемый объективизированной характеристикой «должен был знать», безусловно, не обходится без конкретизации. С одной стороны, приведенная формулировка позволяет признавать лицо осведомленным об обстоятельствах, когда установлено, что для этого предприняты необходимые усилия, но

¹ Коновалов А. В. Принцип разумности в гражданском праве // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 8. С. 19.

² Гражданское право: учеб.: в 4 т. / отв. ред. Е. А. Суханов. 2-е изд. перераб. и доп. М.: Статут, 2019. Т. 1. С. 468 (автор главы – В. С. Ем).

³ Розмаинский И. В., Холодилин К. А. История экономического анализа на Западе. СПб.: НИУ ВШЭ, 2012. С. 9.

не выявлен факт непосредственного получения необходимой информации. С другой стороны, нужды оборота также требуют возложения на потерпевшее лицо обязанности проявления хотя бы минимальной активности в вопросе получения информации о возможных нарушениях своего либо чужого права, поскольку абсолютная беспечность лица по отношению к защите собственного права увеличивает неопределенность и для лиц, с этим правом связанных. В частности, имущество, вовлеченное в оборот помимо воли собственника, по прошествии значительного времени теряет признаки незаконно приобретаемого, в том числе утрачиваются доказательства незаконности приобретения. В данном случае интересы неограниченного круга лиц, взаимодействующих с данным имуществом, прямо противоречат интересам собственника, не предпринявшего действий для своевременной защиты права при их объективной доступности.

В описанной части видится возможным поддержать позицию С. В. Сарбаша, который указал, что законодательно установленный признак «должен был знать» применительно к определению начала течения срока исковой давности проводится через два критерия: юридический (требуется «соответствие поведения истца законодательно предписанному стандарту должной заботливости и осмотрительности») и фактический, из которого выводится, что «любое разумное и осмотрительное лицо, находясь в таких же фактических обстоятельствах, не могло бы не узнать о нарушении своего права»¹.

Следует отметить, что, формулируя признаки данного явления, С. В. Сарбаш, помимо прочего, напрямую оперирует понятием «разумное и осмотрительное лицо». В указанном случае разумность и осмотрительность не приравниваются друг к другу, однако ставятся в ряд как практически тождественные понятия, определяющие лицо, поведение которого характеризуется достаточной степенью активности в познании сложившейся обстановки и выбора модели поведения на основе полученной информации. Изложенный взгляд также представляется подтверждением тому, что признаки, которые в российской науке традиционно относят к осмотрительному поведению, в сущности являются признаками разумного поведения как явления более широкого.

Соответствующее понимание осмотрительности как признака разумности также позволяет более точно исследовать категорию, обозначаемую как «субъективная добросовестность», наличие которой, как правило, проверяется в поведении приобретателя права собственности на вещь. Содержание указанной категории можно установить из наиболее часто рассматриваемой в данном контексте ст. 302 ГК РФ, определяющей требования к добросовестному приобретателю в рамках сделки, а также ст. 234 ГК РФ, которой установлены правила о добросовестности владельца, претендующего на приобретение права собственности по давности владения. Несмотря на то что широта применения тех же либо схожих правил в отечественном гражданском праве весьма велика, приведенные примеры достаточно репрезентативны.

В силу того что осмотрительность является ключевым признаком «добросовестного приобретателя» как лица, предпринявшего достаточные усилия для выяснения юридического содержания сделки, разумность также выходит на первый план при рассмотрении указанного вопроса.

Пункт 37 постановления Пленума ВС РФ № 10, Пленума ВАС РФ № 22 от 29 апреля 2010 г.² закрепляет, что «в соответствии со статьей 302 ГК РФ ответчик вправе возразить против истребования имущества из его владения путем представления доказательств возмездного приобретения им имущества у лица, которое не имело права его отчуждать, о чем он не знал и не должен был знать (добросовестный приобретатель)». Можно заметить, что как буквальная текст статьи, так и его интерпретация высшими судебными инстанциями предусматривает проверку уровня осведомленности лица о пороках сделки по критерию «знал / должен был знать».

¹ Сделки, представительство, исковая давность: постатейный комментарий к статьям 153–208 Гражданского кодекса Российской Федерации / В. В. Байбак [и др.]; отв. ред. А. Г. Карапетов. М.: М-Логос, 2018. С. 1193 (автор комментария к ст. 200 – С. В. Сарбаш).

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 10, Пленума ВАС РФ № 22 от 29 апреля 2010 г. (ред. от 12 декабря 2023 г.) «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав».

При этом можно наблюдать, что российский правопорядок использует конструкцию «не знал и не должен был знать» в значительном числе случаев, однако не во всех из них можно говорить о субъективной добросовестности именно потому, что элемент добросовестности, который отражает возможное нарушение прав других лиц, в этих случаях не имеет значения. Одним из таких случаев является обозначенный ранее критерий определения времени начала течения срока исковой давности. В ситуации, когда от должной осмотрительности лица зависит лишь защита его собственного права, его незнание не становится извинительным, напротив, для обеспечения стабильности оборота оно может нести негативные последствия.

Следует признать, что конструкция незнания об обстоятельствах в случаях ее применения относится в большей степени к достижению публично значимых целей, чем к защите частного интереса. Так, можно согласиться с позицией А. С. Васильева и Д. В. Мурзина, что в основу соответствующих категорий (на примере субъективной добросовестности) «положена исключительно целесообразность... Очевидно, что законодатель, который искал инструмент обеспечения стабильности гражданского оборота, имел единственное намерение – дать участникам такого оборота уверенность в прочности приобретаемых ими вещных титулов»¹. В. Г. Голубцов также достаточно справедливо замечает, что «несмотря на то что конструкция „не знал и не должен знать“ присутствует в значительном числе норм, установление субъективной добросовестности имеет место только в тех случаях, когда речь идет о нарушении права лица»². С данной позицией представляется возможным согласиться, поскольку в отсутствие возможного нарушения прав других лиц установление соответствия указанным критериям с точки зрения извинительного незнания теряет правовой смысл.

3. Добросовестность и разумность как содержание субъективной добросовестности и антиподы умышленной и неосторожной форм вины

Представляется, что лишь осознанное нарушение прав другого лица возможно обозначить как недобросовестное поведение. «Добрая совесть» как категория моральная, являющаяся истоком правовой категории добросовестности, обозначается через сознательное воздержание от действий, причиняющих вред другому лицу. М. В. Радецкая, обобщая наблюдения о взглядах российской науки на данный вопрос, указала, что «ряд авторов рассуждают о том, что можно провести аналогию между неразумными и неумышленными действиями, с одной стороны, и недобросовестными и умышленными – с другой. Последствия таких действий, безусловно, должны быть разными»³.

Важно также отметить, что проявление субъективной добросовестности не допускает однозначного противопоставления: отсутствие всех признаков добросовестного приобретателя не позволяет сделать вывод, что поведение лица недобросовестно. В силу того что первично правопорядок требует от лица достаточной осмотрительности, свойственной именно разумному поведению, и лишь затем – добросовестного отказа от вступления в порочную сделку, зачастую может отсутствовать даже первичный элемент, без которого вывод о недобросовестности неверен.

Таким образом, изучение всех случаев проявления критерия «знал или должен был знать» через категорию добросовестности без учета осознания возможного нарушения права не видится допустимым. Первично и необходимо для данной категории проявление признаков разумности поведения.

Разделить вышеуказанные категории как самостоятельные позволяет также взаимосвязь признаков форм вины и критериев разграничения разумности и добросовестности. В качестве примера представляется возможным опираться на понимание грубой неосторожности, отделяемой от умысла в отечественной цивилистике. Так, В. В. Витрянский отмечал, что «в качестве критерия выделения такой формы вины,

¹ Васильев А. С., Мурзин Д. В. Субъективная добросовестность в гражданском праве: функции, степени, презумпции // Вестник экономического правосудия РФ. 2020. № 3. С. 70.

² Голубцов В. Г. Субъективная добросовестность в структуре общего понятия добросовестности // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2019. № 3. С. 508.

³ Основы цивилистики: учеб. пособие / Р. Х. Абдрашитов [и др.]; под ред. А. В. Егорова, Э. А. Евстигнеева. М.: Ассоциация выпускников РШЧП, 2020. С. 140 (автор главы – М. В. Радецкая).

как грубая неосторожность, можно признать не проявление должником той минимальной степени заботливости и осмотрительности, какую можно было бы ожидать от всякого участника имущественного оборота, окажись он на месте должника, и не принятие должником очевидных (хотя бы элементарных) мер в целях надлежащего исполнения обязательств¹. Что важно, в данном определении грубой неосторожности можно выделить признак, вводимый через сопоставление поведения с поведением условного участника гражданского оборота, характерное для научных определений разумного поведения.

Схожим образом трактует грубую неосторожность А. Г. Карапетов, а именно как «игнорирование самых минимальных мер заботливости и осмотрительности при исполнении обязательства на грани беспечности»². Оба определения, таким образом, предлагают признаки неосторожности, крайне схожие с признаками, противоположными разумному поведению, что позволяет провести параллель со схожими характеристиками недобросовестного поведения и умышленного причинения вреда.

А. А. Маковская признает, что «такие правовые категории, как добросовестность и разумность, сегодня и в теории, и на практике раскрываются посредством использования тех же критериев, через которые в гражданском праве принято раскрывать понятие вины»³. Т. И. Илларионова, в свою очередь, предполагала, что категория вины в гражданском праве представлена в двух ее разновидностях: вины в собственном смысле и в форме недобросовестности, в силу чего недобросовестность имеет все существенные признаки вины⁴.

А. С. Васильев и Д. В. Мурзин, не признавая значение критериев вины за стандартами поведения в целом (на примере добросовестности), в частном выводе отмечают, что «в случаях использования критерия „знал или мог/должен был знать“ в связи с применением мер ответственности мы, действительно, сталкиваемся с особой разновидностью вины»⁵. Поскольку приведенный критерий наиболее явно разделяет требования добросовестного и разумного поведения, данный вывод можно признать подтверждением пересечения категорий виновного поведения и поведенческих стандартов разумности и добросовестности.

Практическое содержание концепции можно раскрыть на примере правил о добросовестном приобретении права собственности на вещь, отчуждаемую против воли собственника. Субъект обязан прежде всего проявить должную степень разумности и, как следствие, получить объективно доступную информацию о наличии либо отсутствии видимых пороков сделки, в которую ему предложено вступить. Лишь впоследствии лицо обязано наряду с логической целесообразностью проявить добросовестность и, соответственно, вступить в сделку исключительно при отсутствии у него информации о существовании пороков сделки. Между тем, не проявив заботливости и осмотрительности для выяснения обстоятельств и не получив понимания об отсутствии воли собственника, приобретатель вещи, введенный в заблуждение лжепродавцом, не является недобросовестным, с его стороны нарушено только требование разумности поведения, хотя и ведущее к тем же последствиям.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сформировать комплексное понимание субъективной добросовестности как правовой категории, состоящей из двух взаимосвязанных компонентов: разумности и добросовестности поведения участников гражданского оборота. Следствием этого, помимо прочего, видится необходимость дальнейшей терминологической проработки исследуемой категории.

¹ Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Общие положения. 3-е изд., стереотип. М.: Статут, 2001. Кн. 1. С. 152.

² Перемена лиц в обязательстве и ответственность за нарушение обязательства: комментарий к статьям 330–333, 380–381, 382–406.1 Гражданского кодекса Российской Федерации / А. Г. Архипова [и др.]; отв. ред. А. Г. Карапетов. М.: М-Логос, 2022. С. 1299.

³ Маковская А. А. Основание и размер ответственности руководителей акционерного общества за причиненные обществу убытки // Убытки и практика их возмещения: сб. ст. / отв. ред. М. А. Рожкова. М.: Статут, 2006. С. 357.

⁴ Илларионова Т. И. Система гражданско-правовых охранительных мер // Илларионова Т. И. Избранные труды. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. ун-та, 2005. С. 232.

⁵ Васильев А. С., Мурзин Д. В. Указ. соч. С. 72.

Разумность поведения выступает первичным стандартом, устанавливающим требования к осмотрительности и заботливости участников оборота. Данный стандарт носит объективный характер, поскольку не зависит от субъективных особенностей лица, а определяется общепризнанными критериями поведения в конкретной ситуации.

Добросовестность как второй компонент исследуемой категории проявляется после установления соответствия поведения лица стандарту разумности. При этом важно подчеркнуть, что отсутствие признаков разумного поведения не исключает возможность признания поведения добросовестным, но не соответствующим требованиям для признания права.

Системный подход к анализу обоих стандартов позволяет: 1) избежать необоснованного расширения сферы применения института добросовестности; 2) четко разграничить требования к поведению участников оборота; 3) создать эффективную систему оценки поведения субъектов права; 4) укрепить стабильность гражданского оборота.

Таким образом, исследование подтверждает, что последовательная проверка соответствия поведения лица стандартам разумности и добросовестности – необходимое условие для корректного применения правовых норм, содержащих критерий «знал или должен был знать». Это, в свою очередь, способствует укреплению правовой определенности и стабильности гражданского оборота.

Список литературы

Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Общие положения. 3-е изд., стереотип. М.: Статут, 2001. Кн. 1. 848 с.

Васильев А. С., Мурзин Д. В. Субъективная добросовестность в гражданском праве: функции, степени, презумпции // Вестник экономического правосудия РФ. 2020. № 3. С. 65–77.

Голубцов В. Г. Субъективная добросовестность в структуре общего понятия добросовестности // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2019. № 3. С. 490–518.

Гражданское право: учеб.: в 4 т. / отв. ред. Е. А. Суханов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2019. Т. 1. 576 с.

Илларионова Т. И. Система гражданско-правовых охранительных мер // Илларионова Т. И. Избранные труды. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. ун-та, 2005. С. 117–249.

Коновалов А. В. Принцип разумности в гражданском праве // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 8. С. 11–21.

Лукьяненко М. Ф. Оценочные понятия гражданского права: разумность, добросовестность, существенность. М.: Статут, 2010. 421 с.

Маковская А. А. Основание и размер ответственности руководителей акционерного общества за причиненные обществу убытки // Убытки и практика их возмещения: сб. ст. / отв. ред. М. А. Рожкова. М.: Статут, 2006. С. 329–372.

Нам К. В. Принцип добросовестности: развитие, система, проблемы теории и практики. 2-е изд., перераб. и доп. М.: М-Логос, 2023. 388 с.

Основы цивилистики: учеб. пособие / Р. Х. Абдрашитов [и др.]; под ред. А. В. Егорова, Э. А. Евстигнеева. М.: Ассоциация выпускников РШЧП, 2020. 262 с.

Перемена лиц в обязательстве и ответственность за нарушение обязательства: комментарий к статьям 330–333, 380–381, 382–406.1 Гражданского кодекса Российской Федерации / А. Г. Архипова [и др.]; отв. ред. А. Г. Карапетов. М.: М-Логос, 2022. 1582 с.

Розмаинский И. В., Холодилин К. А. История экономического анализа на Западе. СПб.: НИУ ВШЭ, 2012. 213 с.

Сделки, представительство, исковая давность: постатейный комментарий к статьям 153–208 Гражданского кодекса Российской Федерации / В. В. Байбак [и др.]; отв. ред. А. Г. Карапетов. М.: М-Логос, 2018. 1264 с.

Церковников М. А. О добросовестности в институтах вещного права // Вестник гражданского права. 2017. № 2. С. 24–30.

References

Abdrashitov R. Kh., et al. (2020) *Osnovy tsivilistiki: uchebnoe posobie* [Fundamentals of civil law: textbook], ed. by A. V. Egorov, E. A. Evstigneev. Moscow, Assotsiatsiya vypusknikov RShChP, 262 p.

Arkhipova A. G., et al. (2022) *Peremena lits v obyazatel'stve i otvetstvennost' za narushenie obyazatel'stva: kommentarii k stat'yam 330–333, 380–381, 382–406.1 Grazhdanskogo kodeksa Rossiiskoi Federatsiii* [Change of persons in an obligation and liability for breach of obligation: commentary on Articles 330–333, 380–381, 382–406.1 of the Civil Code of the Russian Federation], ed. by A. G. Karapetov. Moscow, M-Logos, 1582 p.

Baybak V. V., et al. (2018) *Sdelki, predstavitel'stvo, iskovaya davnost': postateinyi kommentarii k stat'yam 153–208 Grazhdanskogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii* [Transactions, representation, limitation period: article-by-article commentary to Articles 153–208 of the Civil Code of the Russian Federation], ed. by A. G. Karapetov. Moscow, M-Logos, 1264 p.

Braginskiy M. I., Vitryanskiy V. V. (2001) *Dogovornoe pravo. Obshchie polozheniya* [Contract law. General provisions], 3rd ed., stereotyp. Moscow, Statut, book 1, 848 p.

Golubtsov V. G. (2019) Sub"ektivnaya dobrosovestnost' v strukture obshchego ponyatiya dobrosovestnosti [Subjective good faith in the structure of the general concept of good faith]. In *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki*, no. 3, pp. 490–518.

Illarionova T. I. (2005) Sistema grazhdansko-pravovykh okhranitel'nykh mer [The system of civil law protective measures]. In Illarionova T. I. *Izbrannye trudy*. Yekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta, pp. 117–249.

Konovalov A. V. (2019) Printsip razumnosti v grazhdanskom prave [The principle of reasonableness in civil law]. In *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava*, no. 8, pp. 11–21.

Luk'yanenko M. F. (2010) *Otsenochnye ponyatiya grazhdanskogo prava: razumnost', dobrosovestnost', sushchestvennost'* [Evaluative concepts of civil law: reasonableness, good faith, materiality]. Moscow, Statut, 421 p.

Makovskaya A. A. (2006) Osnovanie i razmer otvetstvennosti rukovoditelei aktsionernogo obshchestva za prichinennye obshchestvu ubytki [The basis and amount of liability of the managers of a joint-stock company for damages caused to the company]. In Rozhkova M. A. (Ed.) *Ubytki i praktika ikh vozmeshcheniya: sbornik statei*. Moscow, Statut, pp. 329–372.

Nam K. V. (2023) *Printsip dobrosovestnosti: razvitie, sistema, problemy teorii i praktiki* [The principle of good faith: development, system, problems of theory and practice], 2nd ed., revised and add. Moscow, M-Logos, 388 p.

Rozmainkiy I. V., Kholodilin K. A. (2012) *Istoriya ekonomicheskogo analiza na Zapade* [History of economic analysis in the West]. Saint-Petersburg, NIU VSHE, 213 p.

Sukhanov E. A. (Ed.) (2019) *Grazhdanskoe pravo: uchebnik: v 4 t.* [Civil law: textbook: in 4 volumes], 2nd ed., revised and add. Moscow, Statut, vol. 1, 576 p.

Tserkovnikov M. A. (2017) O dobrosovestnosti v institutakh veshchnogo prava [On good faith in property law institutions]. In *Vestnik grazhdanskogo prava*, no. 2, pp. 24–30.

Vasil'ev A. S., Murzin D. V. (2020) Sub"ektivnaya dobrosovestnost' v grazhdanskom prave: funktsii, stepeni, prezumpitsii [Subjective good faith in civil law: functions, degrees, presumptions]. In *Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya RF*, no. 3, pp. 65–77.

Дата поступления рукописи в редакцию: 29.09.2025

Дата принятия рукописи в печать: 23.03.2026